

УДК 316.4

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.4.4

EDN: LNBERR

Научная статья

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК РИСК ДЕВИАНТИЗАЦИИ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

Татьяна Владимировна Шипунова

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия

t.shipunova@spbu.ru

ORCID 0000-0002-9108-8647

Для цитирования: Шипунова Т. В. Социальный контроль как риск девиантизации повседневных практик // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 4. С. 86–102. DOI 10.19181/snsp.2025.13.4.4. EDN LNBERR.

Аннотация. Тема социального контроля в социологии и девиантологии занимает самостоятельное место и базируется на узком представлении о контроле как универсальном механизме борьбы с социальным злом. Данная тема должна обеспечить достойный уровень социальной безопасности граждан. Однако такой подход имеет недостатки, поскольку существенно сужает предмет анализа, а также не позволяет учитывать негативные социальные эффекты контроля, конкуренцию различных игроков, которая разворачивается в отношениях «господство-подчинение». Отдельные институты/общности/социальные группы, представляя собой генеративные социальные структуры, становятся полноценными агентами социального контроля в широком смысле, поскольку продвигают свои смыслы и правила поведения и используют ресурсы для их опривычивания в повседневности. Если смыслы и ценности носят деструктивный характер, то происходит девиантизация повседневных практик. Кроме того, деятельность некоторых легитимных агентов контроля обладает определённым потенциалом создания латентных социальных эффектов, выступающих рисками воспроизводства девиантности. В статье анализируются оба направления девиантизации. Рассмотрено влияние на этот процесс повседневности отдельных агентов, деятельность которых порождает системно-функциональные издержки при распределении социальных благ и социальных статусов, и агентов, навязывающих населению ценности, установки, образцы поведения общества потребления. Показано, что в обоих случаях воздействие контроля оказывается негативным и ведёт к девиантизации повседневных практик. Рассмотрение социального контроля в широкой перспективе позволяет очерчивать круг ответственности его агентов и применять оценки их деятельности в категориях репутационного вреда, злоупотребления доверием, долга, социальной справедливости и т. д. Кроме того, такой подход даёт основание для изучения социального контроля как сложного процесса, имеющего, как минимум, два вектора влияния на девиантизацию повседневности – положительный (понижающий уровень девиантности) и отрицательный (провоцирующий девиантизацию).

Ключевые слова: социальный контроль, девиантность, девиантизация, повседневность, повседневные практики, ценности общества потребления

Введение

Чаще всего социальный контроль девиантности понимается в положительном ключе – как противодействие видам поведения, отклоняющегося от социальных норм [1, с. 260; 2, с. 46]. С одной стороны, этим задаются чёткие ориентиры и границы контролирующего воздействия, а с другой – значительно сужаются представления об агентах контроля и способности некоторых из них девиантизировать повседневные практики. Одновременно данный факт работает на расширение неопределённости в изучении социального контроля как предмета научного познания. Целью статьи является рассмотрение социального контроля в широком смысле, что предполагает в том числе определение значимых агентов, влияющих на девиантизацию повседневности, и механизмов, при помощи которых такая девиантизация производится. Под девиантизацией автор понимает вовлечение и/или создание предпосылок для втягивания индивидов в девиантные формы поведения. Следует отметить, что статья не несёт никаких иных смыслов, кроме рефлексии социальных процессов в соответствии с принципом объективности. Поскольку речь идёт об актуальных повседневных практиках, то для подтверждения рассуждений в статье, наряду с анализом научных публикаций, используется анализ материалов электронных СМИ, отбор которых производился по рейтингу в поисковой системе Яндекс (10 первых позиций после запроса) с учётом статуса издания.

Методология исследования: социальный контроль и повседневность

В эпоху постмодернизма изменилось представление об обществе как константном образовании, в котором существует некий набор норм, разделяемый всеми. Постоянные изменения, к которым индивид вынужден приспосабливаться посредством поиска новых моделей поведения [3], привели к отказу от рассмотрения (традиционного) социального контроля как некоего универсального механизма устранения социального зла, не поддающегося критике. Современные (особенно зарубежные) исследования нацелены на анализ социального контроля в отношениях «господство-подчинение» [4; 5], что существенно расширяет границы его определения и включает не только сам процесс контролирования, но и последствия, которые часто носят деструктивный характер и оказывают негативное влияние на повседневные практики. Учитывая, что борьба за господство пронизывает все сферы жизни общества, социальный контроль в данном подходе понимается как средство продвижения интересов определённых социальных групп, находящих отражение в политических, идеологических, профессиональных дискурсах. В этом случае социальный контроль превращается в символическое средство коммуникации, содержащее различные идеологемы как устойчивые системы взглядов. Носители дискурсов конкурируют за производство смыслов и отношений, развивающихся в поле власти [6; 7; 8] и претендующих на истину, хотя остаётся непонятным, «власть какого типа

способна производить дискурс об истине, который в обществе... имеет столь глубокие последствия?» [6, с. 43]. Несмотря на это, произведённые смыслы и отношения в конечном счёте определяют рамки мышления и действий людей, в том числе в плане нарушения социальных норм [9].

В связи с этим, к агентам социального контроля девиантности следует относить не только традиционно выделяемые социальные институты (семья, школа, полиция, пенитенциарная система, социозащитные учреждения и т. д.), но и все те институты/общности/социальные группы, которые реализуют функции, влияющие на поведение индивидов или создающие условия для формирования нарушения социальных норм. К ним можно отнести общественные движения, зарубежные группы влияния, молодёжные и девиантные субкультуры, преступные организации, печатные и электронные СМИ, интернет-ресурсы, производителей рекламы и услуг, банки, шоу-бизнес и т. д. Все они представляют собой «генеративные» социальные структуры, продуцирующие определённые правила поведения про- или антисоциальной направленности и использующие свои ресурсы для их продвижения [8, с. 59]. Социальный контроль этих институтов и групп часто либо напрямую поддерживает девиации, либо создаёт условия для опривычивания (хабитуализации) нарушения норм и правил поведения в повседневных практиках. Почему это происходит?

Повседневность – это уровень элементарных порядков интеракции «лицом к лицу», обладающий собственной организацией и когнитивным стилем [10], в основе которого лежит восприятие и осмысление мира, базирующееся на (совместных) действиях и разнообразных социальных отношениях [11]. Повседневность включает в себя будничные практики приватной жизни индивидов, определяющее значение для которых имеют накопленный жизненный опыт, сложившийся образ жизни, следование определённым правилам, «с учётом функций, социальных статусов и ролей индивидов, системы контроля и т. д.» [12, с. 62]. Однако в современном обществе данная относительная стабильность разрушается, она не может существовать в «текущем» мире, который характеризуется постоянной изменчивостью, «навязчивой, непрерывной, непреодолимой, вечной незаконченной модернизацией» всего, включая личные повседневные практики [3, с. 35]. Одной из важнейших особенностей «текучей» современности является уход от тотального государственного контроля повседневной жизни и его делегирование человеку. Снятие с государства обязательств контроля и запретов на выбор должны обеспечить человеку свободу, которая, однако, не гарантирует стабильность рутинности, которая по идее должна придать устойчивость повседневности. На пути поиска стабильности индивид готов отказаться от свободы и подчиниться более сильному субъекту или системе, обладающим ресурсными возможностями для продвижения своих идей и присваивания контролирующих функций. Так появляются все новые агенты контроля, придающие видимость устойчивости повседневности, осмысленность существования жизни индивидов и одновременно деструктивно влияющие на их повседневную жизнь.

Проблематика воспроизводства девиантности, в том числе через социальный контроль, а также анализ его недостатков, влекущих негативные последствия для общества, ведутся зарубежными исследователями достаточно давно и широко [13; 14; 15]. Так, исследователи убеждены, что социальная безопасность как декларируемая цель социального контроля, реализуемого государством, влечёт за собой некоторые негативные эффекты, например, в виде нарушения прав граждан на неприкосновенность частной жизни, ограничение позитивной свободы (*свободы что-то делать*), перегибами в наказании и др. [16]. Несмотря на то, что в работах российских авторов также уделяется внимание критическому осмыслению социального контроля девиантности, учёные останавливаются преимущественно на традиционном анализе концепций и практик наказания, не концентрируя внимания на влиянии социального контроля на воспроизводство девиантности. Между тем, критическое рассмотрение роли социального контроля, производимого разными агентами, необходим, поскольку, во-первых, не совсем понятно, что является конечным продуктом, кто – потребителем и объектом социальной защиты в рамках социального контроля в узком смысле. Отсюда следуют и другие вопросы, возникающие в контексте идей общества риска, а также конкуренции за производство смыслов и отношений, существующих в поле власти. Например, как создаются атрибуции «опасностей» и «рисков» разных видов поведения и разделения социальных групп по степени опасности или безопасности. Если общество – это самоорганизующаяся система, то в ней неизбежно возникнут подсистемы и институты разнонаправленного характера, которые будут стремиться реализовать свои представления о нормативности. Единство и борьба этих стремлений порождает неустойчивое равновесие нормативной системы в «текучей» современности и всегда предоставляет возможность разным субъектам не просто продвигать, а навязывать свои нормы, образцы поведения, которые, будучи первоначально необычными, со временем переходят в категорию обычных, рутинных, будничных и начинают управлять повседневностью. Выделение таких подсистем и/или субъектов и придание им статуса агентов социального контроля позволяет:

- расширить представления о системной природе социального контроля поведения людей;
- очертить сферы влияния агентов контроля, их цели и идеологемы, поддерживаемые разными средствами;
- определить объект(ы) и предмет воздействия;
- выявить социальные эффекты деятельности агентов контроля и их влияние на социальную безопасность и стабильность повседневности;
- очертить круг ответственности и ограничений деятельности в контексте рассматриваемой тематики.

В одной статье невозможно проанализировать деятельность всех подсистем и субъектов социального контроля. Мы остановимся только на части тех, кто функционирует в легитимном поле и выполняет порой значимые для общества функции. Представители таких подсистем не называют себя агентами

социального контроля и не используют соответствующую терминологию/риторику. Однако по своей сути деятельность таких социальных подсистем и их представителей соответствует характеристикам агентов контроля, поскольку они производят смыслы и отношения в парадигме «господство-подчинение» (осознанно или неосознанно), ведущие к вовлечению в девиантность или к созданию условий для девиантзации повседневной жизни.

Механизмы влияния (нетрадиционных) агентов социального контроля на девиантзацию повседневных практик

Первую группу наиболее значимых агентов социального контроля в широком смысле образуют социальные подсистемы, институты и группы, деятельность которых порождает системно-функциональные издержки при распределении социальных благ и социальных статусов. Они имеют статус одной из ветвей власти и возвышаются над социальным контролем, разрабатывая его идеологию. Так, законодатели определяют модель социального контроля в узком смысле, перечень агентов, методы, средства, границы контроля и т. д. Без правового нормирования и регулирования невозможно представить ни одно общество, однако выполняя эту функцию, законодатели, а затем и исполнители порой принимают законы и совершают действия, которые создают условия для девиантзации повседневных практик.

Прежде всего, речь идёт о законах и нормативах, регулирующих МРОТ, размеры пенсий, прожиточного минимума, пособий и т. д., которые не позволяют в полной мере удовлетворять физиологические и социальные потребности граждан. Так, по данным Социального фонда России, средний размер пенсии на 1 января 2025 г. равнялся чуть более 23 тыс. в месяц. Средний размер социальной пенсии составил 13 511,94 руб.¹ В 2024 году размер пенсий относительно размера заработных плат впервые за 10 лет снизился до 25%². Несмотря на то, что государство планирует проиндексировать пенсии в 2025 году, по фактической инфляции на 9,5%, очевидно, что доходы пенсионеров не растут, а жизнь для них (как, впрочем, и для всего населения) дорожает: с 1 июля 2025 г. тарифы ЖКХ будут в среднем проиндексированы на 11,9%, с 1 июля 2026 г. – на 5,4%, с 1 июля 2027 г. ещё на 4,8%³; повысилась стоимость самых простых и покупаемых пенсионерами продуктов (только в январе 2025 г. картофель подорожал на 91,1%, лук на 48,2%, капуста белокочанная на 44,5% свёкла

¹ В Соцфонде раскрыли средний размер пенсии в России // РБК : сайт. 06 мая 2025. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/68199a399a79471c54cd5790> (дата обращения: 15.05.2025).

² Мануйлова А. Зарплата в четыре пенсии. В 2024 году коэффициент замещения упал до десятилетнего минимума // Коммерсантъ : сайт. 03.10.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7198661> (дата обращения: 15.05.2025).

³ Чернышова Е. Власти заложили в бюджет индексацию тарифов ЖКХ // РБК : сайт. 30 сентября 2024. 30 сентября 2024. URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/09/2024/66fab4839a7947f8952f38e9> (дата обращения: 20.05.2025).

на 32,1%, сливочное масло на 36,2% и т. д.; растут расходы на мобильную связь (по итогам 2024 года – плюс 26% к декабрю 2023 г.)¹. В 2024 году, по данным Росстата, инфляция составила 9,52%², а в конце 2025 года в среднегодовом значении может дойти до 10%³. Однако повседневные практики всегда субъективны и основываются на «ансамбле субъективных значений» [17, с. 84], а потому индивиды скептически воспринимают официальную статистику, доверяя преимущественно собственному опыту. Этот опыт даёт совсем другие результаты – «население оценивает инфляцию в два раза выше официальной статистики»⁴. Исходя из этого, в дальнейшем формируются мнения, жизненные стратегии и поведение в повседневности. Например, пенсионеры Москвы и Подмосковья, которые получают хорошие доплаты от правительства, жалуются, что пенсий «хватает минимально: заплатить за квартиру, какие-то продукты купить, и всё», «прожить-то можно, но проблема в том, *какая* это жизнь»⁵. В такой ситуации говорить о пенсионерах других регионов не приходится.

Пример с пенсионерами мы выбрали не случайно, т. к. их физическая и социальная активность ограничены, они в своей массе являются законопослушными гражданами, а влияние многих факторов риска нивелировано. Тем не менее, низкий уровень жизни даёт о себе знать – пожилые люди вынуждены воровать еду в магазинах, а начиная с 2022 года «доля людей старше 50 лет среди преступников составила 10,65 процента – отметка ушла выше 10 процентов впервые за десять лет»⁶. Состав преступлений разный, но всегда связан с деньгами: кражи, хранение наркотиков, незаконная торговля алкоголем, фиктивная регистрация иностранцев на своей жилплощади и т. д. [18, с. 179]. Конечно, нельзя отрицать влияние на преступность разных факторов, но социально-экономические причины, к которым относится низкий уровень жизни (бедность и нищета), являются основополагающими [19, с. 44].

¹ Росстат назвал самые подорожавшие продукты за 2024 год // РБК : сайт. 22 января 2025. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/01/2025/678fb81c9a7947362b351587> (дата обращения: 15.05.2025).

² ЦБ объяснил, почему инфляция за год разогналась выше прогноза // РБК : сайт. 23.01.2025. URL: <https://www.rbc.ru/economics/23/01/2025/6790bf999a794709ab9b853f> (дата обращения: 15.05.2025).

³ ЦБ поднял в 1,5 раза прогноз по инфляции в 2025 году // РБК : 14.02.2025. URL: <https://www.rbc.ru/finances/14/02/2025/67af21ec9a794770b8ec45b8> (дата обращения: 15.05.2025).

⁴ ЦБ объяснил разницу между личной инфляцией и официальной // Ведомости : сайт. 02.05.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/02/05/1090286-tsb-obyasnil> (дата обращения: 15.05.2025).

⁵ Животовская В. «Просто умираем никому не нужные». Чем недовольны и чего лишены пенсионеры Москвы и Подмосковья // МСК1.ru : 17 ноября 2024. URL: <https://msk1.ru/text/gorod/2024/11/17/74335688/> (дата обращения: 15.05.2025).

⁶ Харламова А. Старики-разбойники: почему пожилые россияне стали чаще совершать преступления // Вечерняя Москва : сайт. 21 апреля 2023. URL: <https://vm.ru/news/1047346-stariki-razbojniki-pochemu-pozhilye-rossiyane-stali-chashe-sovershat-prestupleniya> (дата обращения: 10.04.2025).

Другим примером нормотворчества, создающим условия для девиантизации повседневности, является принятие так называемых «преступных законов», которые, с одной стороны, могут попираť нормы (уголовного) права, а с другой – запрещают социально полезные или нейтральные действия [20, с. 17–18]. Не углубляясь в правовую тематику, приведём примеры неудачных инициатив, с которыми выступали депутаты в последние годы: запрет на использование иностранных выражений и слов в случае, если есть русскоязычные аналоги; установление видеонаблюдения за врачами с личных устройств во время медицинского вмешательства; тотальный запрет на использование обсценной лексики; введение налога на бездетность и т. д. Говоря о подобных скороспелых предложениях¹, Председатель Госдумы РФ отметил: «вы вначале подумайте, прежде чем озвучивать инициативу. Не надо пугать общество. Это крайности»². Верность этого призыва состоит не только в том, что общество испугается, но и в том, что сразу за его принятием последуют массовые нарушения, т. е. произойдёт рост девиантности.

Любой закон или нормативно-правовой акт, регулирующий повседневную жизнь граждан, должен основываться не просто на формулировке некоего запрета, но и на обеспечении механизмов и условий для его соблюдения. Иначе неизбежно увеличение числа нарушений. Например, давно стало традицией, что на майские праздники большая часть граждан России выезжает на природу и готовит шашлыки. Подготовка к дню «Х», как и сам процесс, – это настоящий ритуал, ставший обыденной практикой. Выбор места пикника зависит от доходов граждан и характеристик жилого имущества (собственный дом, наличие дачи, квартира в многоквартирном доме). Сейчас требования противопожарной безопасности при использовании огня регулируются Правилами противопожарного режима, которые постоянно дополняются. Так, с 1 сентября 2025 г. нельзя будет жарить шашлыки вне специальных мест, в Екатеринбурге городская администрация вообще решила ввести запрет на приготовление шашлыка на открытом огне, даже на даче³. К чему это может привести? Во-первых, люди, не имеющие дачи, начнут прятаться от контроля глубже в парк или лес, что только увеличит опасность пожаров. Во-вторых, количество специально отведённых в городах мест для приготовления шашлыков недостаточно, они расположены неравномерно и доступны не для всех, следовательно, правила будут нарушаться. Правонарушения будут расти и за счёт предприимчивых лиц, которые начнут

¹ Часть инициатив была существенно доработана. Так, запрет на использование иностранных слов теперь носит не всеобщий характер, а утверждён только для вывесок, названий жилых кварталов и т. д.

² Володин призвал депутатов «думать головой» перед анонсом законопроектов // РБК : сайт. 15.10.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/10/2024/670e51259a7947f6bfc39b69> (дата обращения: 15.11.2024).

³ Качан А. Жителям российского города захотели запретить жарить шашлыки // Lenta.ru : 18 марта 2025. URL: <https://lenta.ru/news/2025/03/18/zhitelyam-rossiyskogo-goroda-zahoteli-zapretit-zharit-shashlyki/> (дата обращения: 05.05.2025).

нелегально торговать местами для пикников. Примером тому может служить опыт Москвы, где запреты уже используются. Ещё в 2023 году отмечалось, что введённые правила породили новый нелегальный бизнес. «В самый разгар сезона шашлыков появились те, кто готов занять место под мангал и держать его хоть всю ночь. Иногда это обходится дороже самого пикника». Причём в бизнес вовлечены и сотрудники парка, которые его «крышуют»¹.

Ещё большее влияние на девиантизацию общества оказывает поведение отдельных представителей агентов социального контроля. Речь идёт о коррупционерах и казнокрадах. По данным председателя Следственного комитета А. Бастрыкина, ущерб от коррупции в РФ только в 2024 году составил 14,2 млрд рублей². Наверное, эти цифры нужно воспринимать позитивно, поскольку в 2022 году, по сообщению генерального прокурора России И. Краснова, ущерб составил 37 млрд рублей, а «арестовано и изъято имущество на общую сумму более 62,2 миллиарда рублей»³. Не менее печально обстоят дела с казнокрадством. Из доклада Счётной палаты следует, что только в 2024 году после проверок в казну было возвращено 94 млрд рублей⁴.

Российский опыт борьбы с коррупцией и взяточничеством показывает, что мер по снижению их уровня явно недостаточно, ибо оба явления существуют так давно (начиная с институтов «кормления» и «посула»), что стали повседневной практикой, и «взятка не представляет собой что-то негативное, а является вполне обыденным, естественным явлением» [21, с. 57]. На низовом уровне организации общества – это подарки за услуги (врачам, учителям и т. д.), но чем выше уровень иерархии (политической, экономической), тем размеры взяток крупнее. Коррупция, как злоупотребление служебным положением, дача и получение взятки должностным лицом в целях получения выгоды, – это уровень среднего и высшего эшелонов власти. Опасность данного явления, наряду с казнокрадством, стала особенно очевидной в последнее время. Так, по данным заместителя председателя комитета ГД по экономической политике М. Делягина, на июль 2024 г. только в Минобороны РФ разворовано 11 трлн рублей⁵. Это не обычное воровство, т. к. оно передаёт определённые смыслы

¹ Битва за шашлычные места: в Москве появилась услуга «займу беседку» // Ren.tv : сайт. 27 мая 2023. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1107608-bitva-za-shashlychnye-mesta-usluga-zaimu-besedku-pojavilas-v-rossii> (дата обращения: 01.04.2025).

² Ущерб от коррупции в России в 2024 году составил 14,2 миллиарда рублей // РИА новости : сайт. 08.12.2024. URL: <https://ria.ru/20241208/bastrykin-1987956496.html> (дата обращения: 15.05.2025).

³ Ущерб России от коррупции в 2022 году превысил 37 млрд рублей // Вести : сайт. 09 декабря 2022. URL: <https://www.vesti.ru/article/3084186> (дата обращения: 15.05.2025).

⁴ Борис Ковальчук рассказал об итогах работы Счетной палаты за 2024-й // 5-tv : сайт. 13 марта 2025. URL: <https://www.5-tv.ru/news/5018238/boris-kovalchuk-rasskazal-obitogah-raboty-schetnoj-palaty-za2024j/> (дата обращения: 15.05.2025).

⁵ Абрамов Н. В Госдуме раскрыли масштаб воровства в Минобороны // Lenta.ru : сайт. URL: <https://lenta.ru/news/2024/07/12/v-gosdume-raskryli-masshtab-vorovstva-v-minoborony/> (дата обращения: 08.01.2025).

населению страны, исходящие от людей, имеющих особый статус в обществе: «кому война, а кому мать родна», «воруй, пока можешь», «интересы страны не в счёт, если ты можешь обогатиться». Такой цинизм создаёт определённый настрой в сознании населения – «жизнь рядовых членов общества ничего не стоит». Принятие этого смысла может оказать серьёзное влияние на преступность и другие виды девиаций, особенно насильственных. На данные о преступности за 2024 год можно посмотреть и под этим углом, а они таковы: прирост на 11,5% (по сравнению с 2023 годом) преступных посягательств, повлёкших смерть; увеличение веса тяжких и особо тяжких преступлений на 2%; увеличение преступлений террористического характера на 55,9% и экстремистской направленности на 28,3% [22, с. 2, 4].

Во вторую группу значимых агентов социального контроля входят все институты, системы, организации, буквально насаждающие ценности, установки, образцы поведения общества потребления, которые по своей сути и последствиям для общества являются деструктивными.

Для общества потребления характерно создание соблазнов в виде постоянно сменяющих друг друга товаров. В их список попадают также знания, информация, связи между людьми, ценности, чувства, настроение и т. д. и т. п. При этом на первый план выходит идея отношения через серию вещей, которые эту идею проявляют [23, с. 213–214]. Поддержка идеи обеспечивается развитием сверхпотребления, статусным потреблением и самоосуществлением личности через доставление себе разного рода удовольствий. В обществе формируются потребительские ценности и нормы, устойчивые потребительские практики, «язык как свод правил интерпретации потребительских актов» [24, с. 131]. Причём все они носят универсальный характер, т. к. усваиваются не только теми, кто имеет (избыточные) средства для сверхпотребления, но и теми, кто их не имеет. Для первых возникает опасность развития, например, шопоголизма, для вторых – угроза возникновения разного рода девиаций, включая преступления, совершённые ради поиска денег на покупки. Так, деньги являются главным аргументом для подростков, которые соглашаются совершить диверсию по наводке противоборствующей с Россией стороны: «40% совершивших диверсии на территории России – подростки». Известны и расценки: «слив данных о военной технике стоит 5 тысяч рублей, а поджог автомобиля – 25 тысяч. На такие гонорары клюют в основном дети»¹.

Значимое место в контроле потребительского поведения, ведущего к девиантизации населения, занимают банки. Они создали систему кредитов, дающих льготные возможности для оплаты товаров. Ещё Ж. Бодрийяр отмечал, что «благодаря системе кредита мы возвращаемся к сугубо феодальным отношениям... Однако, в отличие от феодальной, наша система основана на своеобразном

¹ Антонова Т. Названы расценки на теракты, которые предлагают совершить украинские вербовщики // МК.RU : сайт. 26.05.2025. URL: <https://www.mk.ru/politics/2025/05/26/nazvany-rascenki-na-terakty-kotorye-predlagayut-sovershit-ukrainskie-verbovshhiki.html> (дата обращения: 15.06.2025).

сообщничестве: современный потребитель непроизвольно интериоризирует и принимает как должное то бесконечное принуждение, которому он подвергается» [23, с. 173–174]. Банкам и этого оказывается недостаточно. Они устанавливают дополнительные комиссии на льготные ипотеки, дают ложную рекламу о кешбэках¹, обманывают клиентов путём начислений за дополнительные услуги и т. д. (Последнее, кстати, по данным опроса населения Великобритании, оценивается как более серьёзное преступление, чем манипуляции с похищенным товаром – так ответили 95% опрошенных [25]). Иначе говоря, тактика банков изматывает человека не только в материальном, но и в психологическом плане, что может способствовать совершению разного рода деликтов – от повышенного уровня агрессии и насилия в повседневном общении до правонарушений (напр., просрочка с выплатой кредита).

Но самое опасное, когда банки стимулируют развитие потребительства у детей. Происходит это за счёт вовлечения в приобретение карт, начиная с шести лет. Шаги по приобретению карт банки оправдывают тем, что родители могут научить детей азам финансовой грамотности. И действительно, некоторые родители идут на такое, более того, в России детские банковские карты становятся всё более популярными. Однако наряду с этим растёт и число случаев, когда дети становятся дропперами, соблазнившись на небольшие деньги от мошенников (В целом же, в России около 60% дропперов – граждане до 24 лет, которые чаще всего не подозревают, что участвуют в преступной деятельности²). Эксперты предупреждают, что «оплата «одним касанием» не даёт ощущения ценности денег, может формировать легкомысленное отношение к покупкам»³. Ребёнок с детства втягивается в неконтролируемое потребление и становится придатком бесконечного процесса «производство-потребление» со всеми вытекающими последствиями.

Одну из ведущих ролей в заманивании населения в ловушку потребления играют производители рекламы и маркетологи, которые напрямую контролируют поведение индивидов в повседневности, усиливая процесс её девиантизации. И не только потому, что реклама, благодаря научно-техническим достижениям (напр., искусственному интеллекту, улавливающему слова-триггеры для индивидуальных предложений в интернете) стала вездесущей, но и потому, что она «постоянно шантажирует... чувствами престижа и нарциссизма, аффективной привязанности и форсированной соотнесённости...» [23, с. 186]. Управление желаниями и поведением индивида, навязывание ему той или иной идентичности осуществляется посредством специальных кодов, которые вплетаются

¹ ФАС оштрафовала Альфа-Банк за недостоверную рекламу кредитной карты // ФАС: сайт. 22.05.2025. URL: <https://fas.gov.ru/news/34001> (дата обращения: 28.05.2025).

² Курносенкова Д. Подросткам запретили оформлять карты: меры борьбы с дропперами // URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/67b4786b9a794706bc7706bd> (дата обращения: 07.04.2025).

³ Лучшие детские банковские карты 2025 года: топ-11 предложений // РБК: сайт. 31.08.2025. URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/655cba2d9a7947b9fb3b56a1> (дата обращения: 11.04.2025).

в социальную коммуникацию и доминируют в ней. Навязчиво врываясь в жизнь людей, она формирует «гедонистическую мораль чистого удовлетворения» [23, с. 200], подменяя реальность обещаниями счастья.

Производители всё чаще привлекают несовершеннолетних к участию в рекламе, поскольку это хороший способ повысить продажи, воздействуя не только на взрослых, но и на детей, которых так гораздо легче убедить в необходимости предлагаемого товара. Закон о рекламе предусматривает ряд ограничений как по использованию детей в рекламе, так и запреты на определённые смыслы, передаваемые ею. Однако далеко не всегда (и не всегда сразу) недобросовестные рекламопроизводители попадают под санкции со стороны контролирующих инстанций. Поэтому «детская» реклама может нанести серьёзный вред детям, увидевшим её хотя бы раз. В качестве вреда могут быть передаваемые смыслы, запрещённые законом: дискредитация родителей, их покупательских способностей и подрыв доверия к ним; побуждение к тому, чтобы убедить родителей купить товар; создание искажённого представления о доступности товара для семей с любым уровнем достатка; внушение, что обладание товаром делает ребёнка лучше, чем его сверстники; формирование комплекса неполноценности у детей, не обладающих товаром и т. д. [26]¹. Эти смыслы глубоко западают в неокрепшие души детей, что в дальнейшем может проявиться в неуважении к родителям и непослушании, росту насилия и агрессии, буллингу в отношении других детей и т. д. В отдалённой перспективе закреплённые негативные реакции могут привести к более серьёзным девиациям.

О том, как индустрия красоты, опираясь на рекламу, контролирует поведение людей, известно давно. В первую очередь, речь здесь идёт об изменении смыслов хорошего/плохого, нормального/девиантного, распространяемых не только на потребляемые вещи, но и на образ и стиль жизни. С одной стороны, расширение интервала действия норм можно рассматривать как позитивное явление, которое делает людей более свободными за счёт увеличения конформных видов поведения, направленных на удовлетворение фантазий и установление новых отношений и взаимосвязей между людьми. С другой стороны, если и когда эти привнесённые изменения в нормы начинают противоречить обыденному сознанию и здравому смыслу, задающему границы поступков в виде социальных норм [27, с. 168], то эти новые нормы и смыслы разрушают привычную реальность. Казалось бы, они должны выступать средством легитимации новой реальности – общей для всех людей и всех социальных ситуаций в данном обществе [28, с. 366], однако в случае с размытыми интервалами действия норм и плюралистичности стандартов, «социальные экспектации становятся неопределёнными и лишёнными силы консенсуса. Как следствие, люди приходят в замешательство по поводу того, что же считать «нормальным», а что нет» [28, с. 310]. Поскольку в обществе потребления повседневная реальность

¹ Вадюхин И. Дети в рекламе и реклама для детей. Законодательные ограничения // Дело-Пресс : сайт. URL: <https://delo-press.ru/journals/law/yuridicheskaya-otvetstvennost/44600-deti-v-reklame-i-reklama-dlya-detey-zakonodatelnye-ogranicheniya/> (дата обращения: 15.04.2025).

ориентирована не на конкретных «всех», а на соблазны и изменяющиеся желания, то основным ориентиром становится стремление развивать всё новые желания и получать больше, чем ранее [3, с. 85]. Здесь берут корни гламуризация, модификация тела, пищевые аддикции и т. д. Они имеют основанием не столько удовлетворение каких-то личных фантазий, сколько стремление следовать предписанию общества спектакля – всё время изменяться, находиться в потоке событий, демонстрировать проявленную индивидуальность и получать оценки других [29]. Появление интернета обеспечило практически бесконечные возможности для следования индивидов этому предписанию. Интернет стал мощным средством девиантизации повседневности, на его просторах действуют агенты контроля разнонаправленной ориентации, многие из которых сами попадают под объекты социального контроля в узком смысле. Многообразие тематики интернет-ресурсов позволяет удовлетворить любое (извращённое) желание, «очищая и избавляя его от последних помех со стороны «принципа реальности»» [3, с. 83], который лежит в основе повседневных практик. Остаются лишь главные ориентиры общества потребления – деньги на покупки, гедонистические удовольствия, самопрезентация любым способом. Это во многом объясняет, например, получившее распространение среди подростков выкладывание в сетях видео с избиениями других детей или взрослых лиц. Однако эта тема гораздо шире и требует разбора в отдельной статье.

Заключение

В статье проанализирована деятельность лишь некоторых агентов, которые не рассматриваются в рамках традиционных представлений о социальном контроле в качестве таковых, но которые тем не менее выполняют регулятивную функцию. Они «работают» по двум направлениям: поддержание (осознанно или неосознанно) несправедливого социального неравенства населения и укоренение в сознании индивидов потребительских ценностей. Механизмы воздействия отдельных агентов контроля могут быть разными, но конечный итог одинаков – создание условий или прямое вовлечение индивидов в девиантность посредством нормализации в повседневных практиках деструктивных смыслов и их опривычивание. Так, послушное следование навязанным желаниям, стремлениям, ценностям, моделям поведения потребительского общества делает человека нечувствительным к естественной потребности «очуждения», т. е. стремления к инаковости, разнообразию, что ведёт к «банализации социального поведения» [30] и превращению общества в послушный и легко управляемый механизм, призванный обеспечивать интересы и благополучие небольшой группы агентов контроля. Данное утверждение с определёнными оговорками может быть распространено и на системно-функциональные издержки законодательной и исполнительной ветвей власти.

Придание рассмотренным институтам/социальным группам/общностям статуса агентов социального контроля (в широком смысле) даёт возможность

соотнести их деятельность с интересами населения и общества, а также создаёт предпосылки для установления ответственности за девиантзацию повседневных практик. Наконец, выделение в их деятельности явных и/или скрытых смыслов в контексте социального контроля, реализуемого в отношениях «господство-подчинение», даёт возможность анализировать их функционирование (помимо действий, караемых законом), используя такие категории, как: репутационный вред для общества (а не только для органов государственной власти), злоупотребление доверием, моральная ответственность, долг перед обществом, социальная справедливость, благополучие будущих поколений и т. д. Перевод этих категорий из разряда ценностей в нормативные (и/или законодательные) эквиваленты – дело не простое, но необходимое, если речь идёт о снижении уровня девиантзации повседневности и сохранении потенциала позитивного развития страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мэссионис Дж. Социология. 9-е изд. СПб. : Питер, 2004. 752 с. ISBN 5-94723-649-4.
2. Шели Дж. Криминология. 3 междунар. изд. / Дж. Шели ; пер. с англ. И. Малковой [и др.]. М. [др.] : Питер, 2003. 860 с. ISBN 5-318-00489-X.
3. Бауман З. Текучая современность / З. Бауман ; пер. с англ. Ю. В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008. 240 с. ISBN 978-5-469-00034-1. EDN [QOABEJ](#).
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с. ISBN 5-85691-036-2.
5. Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? Skizze einer konstruktivistischen Kriminalitätstheorie // Kriminologisches Journal. 1997. 29 Jg. H. 2. P. 83–155.
6. Фуко М. «Нужно защищать общество»: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учеб. году / М. Фуко ; пер. с фр. Е. А. Самарской. СПб. : Наука, 2005. 311 с. ISBN 5-02-026848-8.
7. Luhmann N. Die Wissenschaft der Gesellschaft. Frankfurt/Main : Suhrkamp, 1992. 732 p. ISBN 3-518-28601-3.
8. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации / Э. Гидденс ; пер. с англ. И. Тюрина. М. : Акад. проект, 2003. 525 с. ISBN 5-8291-0232-3.
9. Schütz A., Luckmann T. Strukturen der Lebenswelt. Bd I. Neuwied : UTB, 1975. 331 p. ISBN 3-472-72582-6.
10. Гофман И. Порядок взаимодействия / И. Гофман ; пер. с англ. А. Д. Ковалева // Теоретическая социология: антология. М. : Книжный дом «Университет»: CEU, 2002. Т. 2. С. 163–199.
11. Шюц А. О множественности реальностей / А. Шюц ; пер. А. Корбут // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3, № 2. С. 3–34. EDN [TRRQVT](#).
12. Жигунова Г. В. Повседневность как социальный феномен // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 8 (52). С. 56–71. DOI [10.12731/2218-7405-2015-8-4](#). EDN [ULUZSP](#).
13. Грэхэм Дж., Беннетт Т. Стратегии предупреждения преступности в Европе и Северной Америке. Хельсинки : Европейский ин-т по предупр. преступности, 1995. 114 с.
14. Diekmann A. Die Präventivwirkung des Nichtwissens im Experiment // Zeitschrift für Soziologie. 2011. 40 Jg. H. 1. P. 74–84.

15. *Eisner M., Ribeaud D., Junger R., Meidert U.* Frühprävention von Gewalt und Aggression. Ergebnisse des Züricher Interventions- und Präventionsprojektes an Schulen. Zürich/Chur : Rüegger Verlag, 2008. 260 p.
16. Vorsicht Sicherheit! Legitimationsprobleme der Ordnung von Freiheit: 26 wissenschaftlicher Kongress der Deutschen Vereinigung für Politische Wissenschaft / G. Abels [Hrsg.]. Baden-Baden : Nomos, 2016. 339 p.
17. *Калистратова Е. А.* Человек повседневности – «ансамбль практик» // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 1 (24). С. 82–89. EDN **ZEKHPF**.
18. *Заборовская Ю. М.* Трансформация криминальной активности: современная тенденция роста преступности среди пенсионеров // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3(52). С. 173–181. DOI **10.51980/2542-1735_2023_3_173**. EDN **ORGZTW**.
19. *Давитадзе М. Д.* Бедность и нищета как криминогенные факторы преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 44–47. DOI **10.24412/2073-0454-2025-1-44-47**. EDN **UKRHAY**.
20. *Шестаков Д. А.* Преступный закон как парадокс криминологии закона // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 1 (20). С. 16–29. EDN **NCUHKH**.
21. *Чекушкина Е. Н., Чекушкин А. Н.* Борьба с коррупцией в России: историко-правовые аспекты // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 1 (49). С. 52–60. DOI **10.21685/2307952520251316**. EDN **NVSRND**.
22. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 г. // МВД России : сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 20.02.2025).
23. *Бодрийяр Ж.* Система вещей / Ж. Бодрийяр ; пер. и вступ. статья С. Н. Зенкин. М. : РУДОМИНО, 2001. 168 с. ISBN 5-7380-0038-2. EDN **PWMMKJ**.
24. *Ильин В. И.* Потребление как дискурс. СПб. : Интерсоцис, 2008. 446 с. ISBN 978-5-94348-049-2.
25. *Ellis D., Whyte D.* Redefining criminality: Public attitudes to corporate and individual offending (Briefing 16, July 2016). URL: www.crimeandjustice.org.uk (дата обращения: 14.07.2021).
26. *Мустафина Е. О.* Влияние рекламы на психику детей и подростков // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14. С. 7–19. EDN **FWKIQ A**.
27. *Делез Ж.* Различие и повторение / Ж. Делез ; пер. с фр. Н. Б. Маньковской и Э. П. Юровской. СПб. : Петрополис, 1998. 384 с. ISBN 21-304551-66. EDN **TCNXLB**.
28. *Бергер П., Бергер Б., Коллинз Р.* Личностно-ориентированная социология / П. Л. Бергер, Б. Бергер, Р. Коллинз ; пер. с англ. В. Ф. Анурина. М. : Акад. проект, 2004. 608 с. ISBN 5-8291-0403-2. EDN **QOCTFX**.
29. *Дебор Г.* Общество спектакля / Г. Дебор ; пер. с фр. С. Офертаса, М. Якубович. М. : Логос, 1999. 224 с.
30. *Бодрийяр Ж.* Город и ненависть. URL: <https://textarchive.ru/c-1135560.html> (дата обращения: 15.06.2025).

Сведения об авторе

Т. В. Шипунова

доктор социологических наук, доцент
профессор
SPIN-код: **8352-7051**

Статья поступила в редакцию 18.06.2025; одобрена после рецензирования 20.08.2025; принята к публикации 05.11.2025.

Original article
DOI: 10.19181/snsp.2025.13.4.4.

SOCIAL CONTROL AS A RISK OF DEVIANTIZATION OF EVERYDAY PRACTICES

Tatiana Vladimirovna Shipunova

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia,
t.shipunova@spbu.ru,
ORCID 0000-0002-9108-8647

For citation: Shipunova T. V. Social control as a risk of deviantization of everyday practices. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(4):86–102. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.4.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.4).

Abstract. The concept of social control is based on a narrow concept of control as a universal mechanism for combating social evil, which should ensure the social security of citizens. This approach has the following disadvantages: it narrows the subject of analysis and does not allow for taking into account the negative social effects of control and competition between different players. An alternative to this approach might be to consider control in terms of dominance-subordination relationships. Various institutions/communities/social groups act as full-fledged agents of social control in the broad sense. They promote their meanings and rules of behavior and use resources to make them habitual in everyday life. If meanings and values are destructive in nature, then deviantization of everyday practices occurs. The article examines the influence on the deviantization of everyday life of individual agents whose activities generate systemic and functional costs in the distribution of social benefits and social statuses (legislative and executive authorities, banks), as well as agents who impose values, attitudes, and patterns of behavior of the consumer society on the population. It is shown that in both cases the impact of control is negative and leads to the deviantization of everyday practices. Considering social control in a broad perspective allows us to outline the scope of responsibility of its agents and apply assessments of their activities in the categories of reputational damage, abuse of trust, moral duty, social justice, etc.

Keywords: social control, deviance, deviantization, everyday life, everyday practices, values of consumer society

REFERENCES

1. Macionis J. J. Sociology. 09th adition [Sociologiya. 9-e izd.]. Saint-Petersburg: Piter; 2004. 752 p. (In Russ.). ISBN 5-94723-649-4.
2. Sheley J. F. Criminology. 3 intern. edit. [Kriminologiya. 3. mezhdunar. izd.]. Moscow: Piter; 2003. 860 p. (In Russ.). ISBN 5-318-00489-X.
3. Bauman Z. Liquid vodernity [Tekuchaya sovremennost']. Saint-Petersburg: Piter; 2008. 240 p. (In Russ.). ISBN 978-5-469-00034-1.
4. Berger P. L., Luckmann T. The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge [Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya]. Moscow: Medium; 1995. 323 p. (In Russ.). ISBN 5-85691-036-2.
5. Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? Skizze einer konstruktivistischen Kriminalitätstheorie. *Criminological journall*. 1997;(2):83–155. (In Germ.).

6. Foucault M. "We must defend society": A course of lectures given at the collège de France in the 1975–1976 academic year [«Nuzhno zashhishhat' obshhestvo»: Kurs lektsij, prochitanny'x v Kollezhe de Frans v 1975–1976 ucheb. godu]. Saint-Petersburg: Nauka; 2005. 311 p. (In Russ.). ISBN 5-02-026848-8.
7. Luhmann N. Die wissenschaft der gesellschaft. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1992. 732 p. ISBN 3-518-28601-3.
8. Giddens A. The constitution of society. An outline of the theory of structuration [Ustroenie obshhestva. Ocherk teorii strukturacii]. Moscow: Akad. proekt; 2003. 525 p. (In Russ.). ISBN 5-8291-0232-3.
9. Schütz A., Luckmann T. Strukturen der lebenswelt. Bd I. Neuwied: UTB; 1975. 331 p. ISBN 3-472-72582-6.
10. Goffman E. Order of interaction [Poryadok vzaimodejstviya]. In: Theoretical sociology: anthology [Teoreticheskaya sociologiya: antologiya]. Moscow: Knizhny'j dom «Universitet»: CEU; 2002. Vol. 2. P. 163–199. (In Russ.).
11. Schütz A. On the plurality of realities [O mnozhestvennosti real'nostej]. *Sociological review*=*Sociologicheskoe obozrenie*. 2003;(2):3–34. (In Russ.).
12. Zhigunova G. V. Everyday life as a social phenomenon. *Modern research of social problems*=*Sovremennyy'e issledovaniya social'ny'x problem*. 2015;(8):56–71. (In Russ.). DOI [10.12731/2218-7405-2015-8-4](https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-8-4).
13. Graham J., Bennett T. Crime prevention strategies in Europe and North America [Strategii preduprezhdeniya prestupnosti v Evrope i Severnoj Amerike]. Helsinki: Evropejskij in-t po predupr. prestupnosti; 1995. 114 p. (In Russ.).
14. Diekmann A. Die Präventivwirkung des nichtwissens im experiment. *Zeitschrift für Soziologie*. 2011;(1):74–84. (In Germ.).
15. Eisner M., Ribeaud D., Junger R., Meidert U. Frühprävention von gewalt und aggression. Ergebnisse des Züricher Interventions- und Präventionsprojektes an Schulen. Zürich/Chur: Rüegger Verlag, 2008. 260 p. (In Germ.).
16. Abels G., eds. Vorsicht Sicherheit! Legitimationsprobleme der ordnung von Freiheit: 26. wissenschaftlicher Kongress der Deutschen Vereinigung für Politische Wissenschaft. Baden–Baden: Nomos; 2016. 339. (In Germ.).
17. Kalistratova E. A. Everyday man as an ensemble of practices. *Bulletin of liberal arts university*=*Vestnik gumanitarnogo universiteta*. 2019;(1):82–89. (In Russ.).
18. Zaborovskaya Yu. M. Transformation of criminal activity: the current trend in increase of crime among pensioners. *Vestnik of siberian law institute of the MIA of Russia*=*Vestnik sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2023;(3):173–181. (In Russ.). DOI [10.51980/2542-1735_2023_3_173](https://doi.org/10.51980/2542-1735_2023_3_173).
19. Davitadze M. D. Poverty and poverty as criminogenic factors in crime. *Bulletin of the Moscow university of the ministry of internal affairs of Russia*=*Vestnik moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2025;(1):44–47. (In Russ.). DOI [10.24412/2073-0454-2025-1-44-47](https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-44-47).
20. Shestakov D. A. Criminal law as a paradox of criminology of law. *Criminology: yesterday, today, tomorrow*=*Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. 2011;1(20):16–29. (In Russ.).
21. Chekushkina E. N., Chekushkin A. N. The fight against corruption in Russia: historical and legal aspects. *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*=*E'lektronny'j nauchny'j zhurnal «Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo»*. 2025;(1):52–60. DOI [10.21685/2307952520251316](https://doi.org/10.21685/2307952520251316).
22. Crime situation in Russia in january-december 2024. Ministry of internal affairs of the Russian Federation: [website]. Available at: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (accessed: 20.02.2025).

23. Baudrillard J. System of things [Sistema veshhej]. Moscow: RUDOMINO; 2001. 168 p. (In Russ.). ISBN 5-7380-0038-2.
24. Ilyin V. I. Consumption as discourse [Potreblenie kak diskurs]. Saint-Petersburg: Intersocis; 2008. 446 p. (In Russ.). ISBN 978-5-94348-049-2.
25. Ellis D., Whyte D. Redefining criminality: public attitudes to corporate and individual offending (Briefing 16, July 2016). Crimeandjustice: [website]. Available at: www.crimeandjustice.org.uk (accessed: 14.07.2021).
26. Mustafina E. O. The impact of advertising on the psyche of children and adolescents. *Issues of russian justice=Voprosy' rossijskoj yusticii*. 2021;(14):7–19. (In Russ.).
27. Deleuze G. Difference and repetition [Razlichie i povtorenie]. Saint-Petersburg: Petropolis; 1998. 384 p. (In Russ.). ISBN 21-304551-66.
28. Berger P., Berger B., Collins R. Person-oriented sociology [Lichnostno-orientirovannaya sociologiya]. Moscow: Akad. proekt; 2004. 608 p. (In Russ.). ISBN 5-8291-0403-2.
29. Debord G. Society of the spectacle [Obshchestvo spektaklya]. Moscow: Logos; 1999. 224 p. (In Russ.).
30. Baudrillard J. City and hatred. Textarchive.ru: [website]. Available at: <https://textarchive.ru/c-1135560.html> (accessed: 15.06.2025).

Information about the Author

T. V. Shipunova

Doctor of Sociology, Associate Professor

Professor

ResearcherID: [K-7100-2013](#)

Scopus AuthorID: [6504448987](#)

The article was submitted 18.06.2025; approved after reviewing 20.08.2025; accepted for publication 05.11.2025.